

Рекомендуется учитывать, что автор данного текста типа «треп» ни на чем не настаивает, но на все намекает, а также повествует некоторые милые истории из жизни героя беседы по фамилии Ефремов, но по имени Михаил, — человека, который, кажется, родился знаменитым...

Михаил Ефремов:

«ДВУМ СУМАСШЕДШИМ ЛЕГЧЕ ИДТИ ПО ЖИЗНИ»

— Миш, вы ведь и вправду, кажется, всегда были известны. Причем не только — а потом уже и не столько — как сын своего отца. В ранней юности вы снялись в картине «Когда я стану великаном», и вас стали узнавать в лицо. В этом смысле вам легче было знакомиться с девушками или, наоборот, сложнее?

— Это тут ни при чем. В смысле — известность. Грамм двести возьмешь на грудь — с кем угодно познакомишься. Во время божьего отдыха большая проблема со знакомствами не существует. Но вообще-то я по натуре своей однолюб. У меня в жизни было три любви... Всего...

— Маловато будет, как говорит герой какого-то мультика. Между тем вы, очевидно, едва ли не лучший в театральном мире теоретик любви. Ведь вы поставили во МХАТе «Урок женам» и «Урок мужьям» — чисто любовные спектакли. Представьте, что существует такая школа жен — какой в ней должен быть главный урок?

— То есть какой главный предмет, который непременно должна знать жена? Мне-то в этом смысле повезло: моя жена знает практически все. Но кому-то, может, повезло меньше... Какой предмет? Физика. Непременно. География — тоже очень полезно.

— В ваших «мольеровских» спектаклях любовь — это что-то чрезвычайно веселое. В вашей жизни было так же? — Так то не любовь — то влюбленность. Начало любви и сам, так сказать, процесс — это ж разные вещи. Поначалу всегда весело. Перестрой-

ка — тоже романтический период, всем весело было... Сейчас я, правда, тоже голосовал за Гайдара, хоть и не получаю зарплату три месяца. Так вы о любви спрашиваете?

— Любовь со времен Мольера изменилась?

— Надеюсь, что нет. Факты, правда, иногда говорят об обратном, но я надеюсь — не изменилась.

— А вы верите, что сегодня могут быть жены декабристов?

— Конечно. А вы разве не видели такого, что, скажем, пьет человек, в смысле мужчина, пьет, над женщиной издевается, издевается. А она его любит все равно. Но это я не про себя рассказываю. У меня как раз обратные ситуации бывали в жизни.

— Есть мужчины, которые женятся сразу, однажды и навсегда. Я сам таких, правда, не видел, но говорят — есть. У меня, далекого совершенно от вас человека, ощущение, будто ваша женитьба на замечательной актрисе Евгении Добровольской — результат многолетних проб и ошибок. Я прав?

— Спустя шесть лет совместной жизни у меня, наверное, тоже такое ощущение. Но на самом деле это произошло спонтанно. Сначала я полюбил в ней актрису, потом я полюбил в ней женщину, потом я полюбил ее как человека. Как человек она оказалась лучше всего.

— Сомнительный комплимент, я бы сказал...

— Нет, это не сомнительный комплимент, а самый главный. Потому

что плотские дела или всякие профессиональные — это или есть, или нет, это судьба. А вот по поводу дел человеческих... Женя предать не может — вот главное.

— Мне кажется, ваша жена — очень хорошая актриса, я бы даже сказал, крупная, но этот эпитет как-то к ней не подходит. А насколько мне известно, крупные актрисы очень часто оказываются не очень хорошими людьми...

— Не-не, не так. Они — стервы, причем все.

— Ваша жена, как я понимаю, приятное исключение?

— Нет. Она — прекрасный человек, но она — стерва. Она и сама знает, что у нее чудовищный характер. Вот и боремся совместно с ее стервозностью и моим эгоизмом. — А что такое женщина-стерва?

— Это женщина, которая выступает за матриархат в семье. Поэтому нам очень весело жить, мы существуем в постоянных конфликтах, в постоянной борьбе за власть.

— Что такое конфликт в семье актеров? Посуду бьете? Становитесь — вы или жена — на подоконник и кричите: «Сейчас выкинусь»?

— Нет, ну зачем так-то?.. Женя начинает кукушаться. Три дня я допытываюсь, чем вывел ее из себя. Потом оказывается, что третьего дня я ей, видите ли, «доброе утро» не сказал.

— А проблемы по бытовому поводу возникают?

— Только по бытовому и возникают. — Есть ли у вас в семье распределение обязанностей?

— Обязательно. Я мою посуду и хожу по магазинам. Должен ходить. Кстати говоря, я лучше хожу по магазинам, чем она. Женя тоже так считает. Потому что если она пойдет за покупками, то на двести тысяч купит столько, сколько я на пятьдесят. Она выбирает самый дорогой магазин и, как туземец, хватается все в красивых упаковках. А я — тихонько себе иду на «киевский» рынок и там спокойно все покупаю. Но все, что касается техники, покупаем вместе, потому что у Жени есть с техникой контакт, а у меня — нет. Много раз бывало такое, что я вставляю кассету — давай, мол, кино посмотри — нет звука, рябит. Женя говорит: «Тыфу ты, черт!», вынимает кассету, просто своими руками вставляет ее обратно — и все нормально работает.

— А возникают такие ситуации, когда, скажем, жена вам говорит: «Ты почему картошки не купил? У тебя ж машина!»

— Бывает, но редко. Женя вообще очень гордый человек. Она живет по принципу: «Назло папе отрежу себе уши, назло маме напишу себе в штаны». Этот житейский принцип для меня — большая мука.

— Один человек мне жаловался: мол, жена моя любит вовсе даже не меня, а мое свободное время, хочет, чтобы все мое свободное время принадлежало ей. Вы могли бы присоединиться к этой жалобе?

— Нет. Я бы должен был убрать слово «свободное». Все время.

— Понятно. Это ирония. И все же, как вы с женой проводите свое свободное время?

— Она с детьми сидит, я телевизор смотрю. Нет, правда. Телек для меня — наркотик. Очень люблю информационные программы, особенно «Итоги». Когда я смотрю «Итоги», у меня такое ощущение, будто я вершу судьбу мира. Смотрю — и думаю про себя: я-то понимаю гораздо больше, нежели они говорят. «Итоги» дают ощущение причастности к большой политике, и это очень весело.

— Мне кажется, что мужчины делятся на два типа (если иметь в виду то, как они строят свои отношения с женщинами). Одни воспринимают себя как подарок, другие — как несчастье. И

Касаткина сказала как-то, что у Добровольской центропулизм. И она не ошиблась. У меня тоже с этим все хорошо. Так вот Николашин центропулизм подавляет и мой и Женин. Святой человек в семье девятилетнего Степан, он всех мирит все время.

— Если однажды, лет эдак через несколько, придет к вам Николай Михайлович и скажет: «Папа, я влюбился». Вы ему дадите какой-нибудь совет?

— Ни в коем случае. — А вам отец что-то советовал в такой ситуации?

— Нет. Мне отец в жизни дал один совет — мудрейший, как я теперь понимаю. Я спросил его: «Отец, а что самое главное в режиссуре?» И он мне ответил: «Терпение». С каждым новым спектаклем я все больше и больше понимаю его правоту.

— Вы что, с ним вообще никогда не советовались по житейским поводам?

— Нет. Я его ставил в известность. Например. Мы с Женей решили пожениться весьма спонтанно, мама в это время была в Америке. И я сказал отцу: «Видишь ли, какое дело, я женюсь. Приедет мама, ей может не понравиться: уехала — сын был холостой, приехала — женатый. Так ты уж возьми на себя...»

— И что сказал Олег Николаевич?

— Он сказал: «Ну ладно».

— Если верить тому, что вы рассказываете про вашу семью — а чего б не верить, с другой стороны? — то складывается ощущение, что семья ваша строится на любви одного сумасшедшего существа к другому.

— Это и на самом деле так. Совершенно необъяснимо я почему-то верю в то, что двум сумасшедшим легче идти по жизни.

— А у вас было в жизни так, чтобы вы смотрели на какую-нибудь влюбленную пару и думали: «Вот счастливые... Хорошо бы и у нас с Женей так»?

— В основном это зависть к богатым. Потому что очень денег не хватает... Жаль, что вы не видели моего нового спектакля по пьесе Ивана Охлобыстина «Злодейка, или Крик дельфина», там есть ответы на все вопросы, которые вы задаете.

— Исповедальный получился спектакль?

— Я не считаю, что спектакль — это исповедь. Мне кажется, что спектакль — это сон. А «Злодейка, или Крик дельфина» вообще не спектакль, а сеанс. Автор Иван Охлобыс-

тин, режиссер-постановщик я, художник-постановщик Евгений Митта, оператор-постановщик Гарик Сукачев — он делает то, что и положено оператору — оперирует. Могу сказать, что это экологическая драма и при этом история о любви. И вообще, мне кажется, это возвращение к театру жизни человеческого духа. Понятно?

— Вполне. Конкретно очень спрашиваю вас: продолжите, пожалуйста, фразу: «Любовь — это когда...»

— Любовь — это когда и то, и се.

— А нелюбовь?

— Это когда либо то, либо се.

— Назовите музыкальное произведение, в котором для вас с наибольшей силой воплотилась любовь.

— Чтобы показаться умным, назову произведение Баха «Воздух».

— И последний традиционный вопрос. Расскажите нам подлинную или неподлинную, но историю о любви...

— «Два друга полюбили одну девушку. Вот хорошо, вот нам бы так же. Все хорошо, за исключением того, что они ее потом убили, чтоб не соррориться. Надеюсь, до этого не дойдет. Куда нам, вялым... По сценарию, по сценарию...»

— Это что такое?

— Это из пьесы Ивана Охлобыстина.

Вообще-то после этого мне больше добавит нечего. Хотелось бы выпить. Или подумать о любви и жизни. Впрочем, два этих занятия как-то весьма органично перетекают одно в другое и — обратно.

— Андрей МАКСИМОВ.

Моя жена — прекрасный человек, но она стерва. Вот и боремся совместно с ее стервозностью и моим эгоизмом.

ра делал?» «А ты правду говорил». Проходит неделя. Жена собирает вещи и уезжает к своим родителям. Потом дембель кончается и начинается мучительное примирение. Потом я вшиваю торпеду, но срок ее действия заканчивается... — Дети-то у вас есть?

— Тут такая ситуация. Один — мой — живет не с нами. С нами живут: Степа, Женин сын, и наш общий ребенок Николаша, имеющий кличку Возмездие. Это ядерная бомба четырех с небольшим лет... Знаете, Женин педагог Людмила Ивановна